

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

О ДВУХ ТИПАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ (Часть 1. Окончание – в №2 ВТЭ)

Аннотация. В статье приводится теоретическое построение, которое может рассматриваться как альтернативное тому, что было представлено в книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». То, что эти авторы назвали «порядком открытого доступа» в статье определяется как монетарный социальный порядок. Название «порядок открытого доступа» очень неудачен. Доступ в этой системе открыт далеко не всем, а только тем, кто имеет деньги, причем доступ тем шире, чем больше денег. Неудача авторов в теоретической характеристике социального порядка, который они назвали «порядком открытого доступа», проистекает от методологической традиции экономической дисциплины игнорировать деньги и делиберации как инструменты взаимодействия между людьми. Какую роль играют деньги при этом взаимодействии, и кто осуществляет важнейшие делиберации в обществе и определяет существо имеющего место в этом обществе социального порядка. В обществе, где основным способом взаимодействия являются деньги, насилие не может быть чисто физическим. Силой заставить купить нельзя, или, по крайней мере, трудно. Напротив, там, где деньги не являются основным способом взаимодействия, угроза применения физического насилия представляется важным рычагом воздействия с целью достижения своих целей. Отсюда и власть тех, кто обладает средствами для осуществления физического насилия. Название «естественное государство», которое связывается авторами с «порядком ограниченного доступа», представляется неподходящим по нескольким причинам, основной из которых является методологическая. Любая черта социальной реальности не является «естественной», а всегда искусственной, то есть имеет человеческое происхождение. На самом деле и социальный порядок «естественного государства» и монетарный социальный порядок являются порядками ограниченного доступа. И при том и другом в принятии решений участвует абсолютное меньшинство, а интересы большинства принимаются при этом во внимание в той минимальной степени, при которой возможно еще сохранять социальный мир.

Ключевые слова: *экономическая теория, социально-экономическое неравенство, экономическая политика, экономическое развитие.*

Классификация JEL: A13, D63, E20, E25, I30, O15.

1. Что такое деньги?

Разобраться в том, что происходит сейчас и предложить что-то потенциально действенное, принципиально невозможно без понимания природы денег. К сожалению, такого понимания не было ни у создателей Советского Союза, ни у тех, кто принимал важнейшие решения в постсоветской России. Нет его в России и сейчас. Университетские учебники по курсам «Деньги. Кредит. Банки» или «Монетарная экономика» по-прежнему навязывают ложные теории денег. Причем это касается как тех из них, которые продолжают советскую традицию, так и тех, которые более решительно следуют западным моделям таких учебников. Предпосылкой, от которой отталкиваются в своих рассуждениях авторы учебников по монетарной экономике, где излагается теория денег, кредита и банков, является происхождение денег из бартерного обмена. Вот, что пишет по этому поводу немецкий социолог Йозеф Хубер: «Большинство людей все еще связывают происхождение и природу денег с тем, как это представлено в классической политической экономии, например, у Адама

Смита, и в неоклассическом расширении этого представления, осуществленном Карлом Менгером в 1871 (австрийская школа). Согласно этой точке зрения, деньги, как предполагается, возникли как спонтанное творение архаичного бартера и рыночных процессов для облегчения обмена товарами. Деньги рассматриваются в этом контексте как товар и, следовательно, как любой другой товар, относятся к частной сфере. Эту точку зрения чаще всего называют товарной теорией денег» [Huber, 2017. Р. 35]. И далее: «Перед лицом эмпирических данных, которые смогли собрать экономические историки, в частности, относительно западного мира, начиная с ранней древности, Греции, Рима, Византии, арабо-исламского мира, христианского средневековья и ранней современности, версия Смита–Менгера происхождения и природы денег представляется в значительной степени фиктивной. Из добытых историками сведений следует подтверждение концепции отнесения денег к общественной сфере и прерогативе правителей, короче говоря, подтверждение государственной теории денег» [ibid. Р. 36]¹.

Для Йозефа Хубера все деньги, независимо от их формы, являются символическими, представляющими в определенных условно выбранных единицах абстрактную ценность. Монеты – это жетоны-символы, а банкноты – это талоны-символы, ну и, конечно, как банковские чеки, так и электронные деньги также являются символами. В то же время все деньги, независимо от их формы, являются кредитными, так как отражают обязательство (долг) сообщества, в котором они циркулируют, предоставить обладателю определенного количества денежных единиц товаров и услуг, равных им по ценности. Важнейшим этапом в развитии денег является появление их особого вида, который в настоящее время стал главным, а именно денег на банковских счетах (money on bank account) или, как их называет Й. Хубер, банковских денег (bankmoney).

Итак, деньги, выражающие определенную ценность, являются жетонами (для их монетной формы), талонами (для бумажной) и записями на счетах (для безналичной), которые дают право на получение товаров и услуг, имеющих эту ценность. Право это связано не с тем, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность. Оно обусловлено тем, что зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторитетом государства (в том числе способностью применить силу), на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием ее пользователей к данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и верой в покупательную и платежную силу денег этой системы.

При советском социализме кредитная (долговая) природа денег проявлялась специфическим образом, так как в СССР, по большому счету, имелся только один продавец, который одновременно являлся и единственным работодателем. Деньги имели большое значение исключительно для потребительских товаров, так как их роль при движении производственных ресурсов была ничтожно малой: под распределенные в натуральном виде ресурсы, для их «покупки», деньги выделялись автоматически государственным банком. Все работники советских предприятий получали два раза в месяц от своего единственного работодателя-государства определенное количество денежных единиц (руб.) в виде заработной платы, как правило, наличными бумажными деньгами и монетами. Получив эти универсальные талоны–карточки–жетоны, работники советских предприятий и организаций приобретали у единственного продавца-государства все то, что он предлагал для продажи. Полученные работником деньги были по существу свидетельствами долга государства ему, и их можно трактовать как стандартизированные «долговые расписки».

¹ Государственная теория денег была разработана Георгом Кнаппом [Кнапп, 1924], представителем немецкой историко-этической школы.

При покупке товаров в государственных магазинах долг государства перед работниками гасился, и эти «долговые расписки» возвращались ему.

Когда продавцов и работодателей много и деньги обслуживают не только оборот потребительских, но и производственных продуктов и ресурсов, то их кредитная (долговая) природа проявляется в том, что деньги, циркулирующие в определенном сообществе, есть свидетельства долгов этого сообщества предъявителям денег. Для официальной валюты страны таким сообществом являются все физические и юридические лица, действующие на ее территории. Бумажные деньги являются как бы безличными стандартизированными «долговыми расписками», универсальными «талонами–карточками» на получение ресурсов и услуг в рамках сообщества; в случае монет – это универсальные «жетоны», свидетельствующие о долге этого сообщества их обладателю. Эти «талоны–карточки» и «жетоны» признаются членом сообщества в качестве оплаты товаров и услуг в силу его уверенности, что другие его члены примут эти «долговые обязательства» в обмен на товары и услуги, которые ему нужны, и тем самым будет погашаться долг сообщества этому его члену. Ну а в случае электронных денег, которые преобладают в современных обществах, деньги – это «бухгалтерские записи» на электронных носителях таких же долгов, которые, в частности, будут погашаться с помощью банковских карт при получении товаров и использовании услуг.

Замечательное открытие сторонников кредитной теории денег состоит в том, что, в отличие от господствующего мнения, что прерогатива эмитировать деньги принадлежит исключительно государству, значительная часть денежной массы производится частными банками при выдаче кредитов. Причем деньги эти производятся частным образом, можно сказать, «из ничего». Мнение, что банковские кредиты выдаются банками из имеющихся у них депозитов, является абсолютно ложным. Масса денег при выдаче кредитов на величину кредита увеличивается. Теперь представьте себе, какие возможности по захвату ресурсов сообщества имеют те его члены, которые получают право печатать и принимать назад с «процентом» «талоны–карточки» на получение реальных ресурсов и услуг, циркулирующих в нем.

2. О возникновении монетарного социального порядка в Англии

Монетарный социальный порядок я определяю как *социальный порядок с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты, и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)*. Историю возникновения этого порядка в результате осуществления английской Славной революции 1688 г. я заимствую из книги британского социолога Джеффри Ингема под названием «Природа денег» [Ingham, 2004].

До возникновения сильных государств существовали определенные социальные и политические пределы рыночной экспансии кредитных денег. Важнейшее денежное пространство для подлинно безличной сферы обмена в конечном счете обеспечивалось государствами. Как крупнейшие плательщики и получатели платежей, а также в качестве тех, кто объявляет, что приемлемо в качестве оплаты налогов, государства были конечными арбитрами. Они создали денежные пространства, охватывающие и интегрирующие социальные группы, взаимодействие которых было заложено определенными социальными связями или конкретными экономическими интересами. Пока частные кредитные деньги не были включены в состав финансовой системы государств, которые обеспечивали безопасную юрисдикцию и легитимность, можно утверждать, что они представляли собой, с точки зрения эволюции, тупик [ibid. P. 122].

К концу XVII в. были доступны две формы денег – частные кредитные и государственные металлические монеты, но они были неравномерно распространены по евро-

пейским странам. Однако, они по-прежнему были разделены, и их соответствующие производители, т. е., государства и капиталистические торговцы, оставались в конфликте. Социальная и политическая структура Англии способствовала интеграции разных интересов, которые были связаны с различными деньгами. При этом баланс сил был таков, что компромисс и распределение денежного суверенитета стали возможны. Но не должно быть никакого предположения о неизбежности гибридизированной денежной формы, сочетающей преимущества каждой из них, – суверенной монеты и частного кредита. Как всегда, определенные события оказались решающими для того, чтобы увести от монопольного контроля государством предложения денег [ibid. Pp. 126–127].

Перед надвигающейся войной с голландцами ежегодный доход английской короны составлял менее 2 млн фунтов, а долги – более чем 1,3 млн фунтов. Карл II перестал платить по своим долгам. Это было критически важным событием в отторжении лондонской торговой буржуазией английского абсолютизма. Оно завершилось в 1688 г. Славной революцией и приглашением голландца Вильгельма Оранского вторгнуться со своей армией в Англию и претендовать на трон. Предотвращение любого повторения дефолта – вот чем руководствовался парламент, который конституционным решением 1689 г. посадил на трон голландского короля. Прежде всего, Вильгельму было намеренно предоставлены недостаточные для покрытия нормальных расходов доходы, и, следовательно, он был вынужден стать зависимым от парламента в получении дополнительных средств. Кроме того, с одобрения самого Вильгельма и по совету его голландских финансовых консультантов правительство приняло долгосрочные заимствования. Это было профинансировано путем выделения конкретных налоговых поступлений для выплаты процентов. Кредиторы государства были выбраны из лондонских купцов, которые поддержали предложение о создании в 1694 г. Банка Англии с тем, чтобы продолжить развитие финансовой системы. Они обеспечили 1,2 млн фунтов в качестве акционерного капитала банка, которые затем были переданы в качестве займа королю и его правительству на условиях 8% годовых, которые, в свою очередь, должны были покрываться таможенными и акцизными поступлениями [ibid. P. 127].

По сути дела, находящийся в частной собственности Банк Англии трансформировал личный долг государя в государственный и, в конце концов, в государственную валюту. Подоплекой этой трансформации в общественном производстве денег было изменение в балансе сил, выраженное в юридической концепции суверенитета конституционной монархии «Король-в-парламенте» ('King-in-Parliament'), состоящей в разделении власти между королем и парламентом. Именно так в Англии начинают принимать форму институты производства капиталистических кредитных денег, а также баланс экономических и политических интересов, которые лежали в их основе. Государство было профинансировано за счет займов у мощного класса кредиторов, которые были направлены через центральный банк. Каждый из них имел интерес к долгосрочному выживанию другого [ibid. P. 128].

Слияние двух типов денег, а именно частных бумажных и государственных в виде монет, которое стало возможным в Англии благодаря политическому урегулированию и отказу от абсолютистского денежного суверенитета, позволило решить две существенные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в предыдущих версиях социальной технологии кредитных денег. Частные деньги в виде векселя поднимались с уровня частной торговой сети и включались в более широкое и абстрактное денежное пространство, основанное на безличном доверии и легитимности [ibid.].

Монарх потерял абсолютный контроль над деньгами, который теперь осуществлялся совместно с буржуазией. В отличие от фактической и неформальной связи между чеканными королевскими монетами и векселями, а также счетными деньгами банкиров-менял в XVI в. во Франции, в Англии произошла интеграция двух этих форм, что предопределило дальнейшее развитие кредитных денег. Монеты и банкноты стали в конечном итоге

связаны официальной конвертируемостью, при которой вторые обменивались на первые, изготовленные из драгоценных металлов. Этот гибридный характер системы двух денежных форм явился результатом компромисса в борьбе за контроль, что в конечном итоге привело к взаимовыгодному соглашению [ibid. Pp. 129–130]. В этой системе центральный банк имеет прямой доступ к наиболее востребованному обещанию платить, а именно обещанию государства платить своим кредиторам. Деньги, напечатанные центральным банком, находятся на вершине иерархии обещаний в этой кредитно-денежной системе. [ibid. P. 130]. Это было началом социального порядка, который я предлагаю назвать *монетарным социальным порядком*, где обладание деньгами, а тем более правом их создания и контроля над ними является важнейшим источником власти. То, что Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] назвали «порядком открытого доступа» на самом деле является монетарным социальным порядком. В реальности доступ при нем ко многим возможностям открывается фактически только тем, кто обладает деньгами, этими универсальными талонами.

3. Джон Локк и Адам Смит как идеологи монетарного социального порядка

Идеологом Славной революции был Джон Локк. Именно он ввел понятие естественных законов, действующих в обществе, которое было положено в основу классической политической экономии, и к которой неявно продолжает обращаться современный экономический мейнстрим. Локк выводит существование этих законов из божественной воли: «... неужели же только человек – вне закона, совершенно независим, неужели он явился в мир совершенно бессмысленно, без закона, без каких-либо норм своей жизни? В это трудно поверить всякому, кто размышлял о всемогуществе господа, о всеобъемлющем согласии всего рода человеческого всегда и повсюду, наконец, о себе самом и о своей совести» [Локк, 1988. С. 3]. Вот как он определяет этот закон: «... закон природы может быть описан как проявление божественной воли, познаваемой благодаря светочу природы, указывающее нам, что согласуется и что не согласуется с разумной природой, и тем самым повелевающее нам нечто или запрещающее. Менее правильно, как мне кажется, некоторые называют его диктатом разума. Ведь разум не столько устанавливает и диктует нам этот закон природы, сколько исследует и открывает его как освященный высшим могуществом и вложенный в наши сердца; он не создатель, а толкователь этого закона, ибо не хотим же мы, умаляя достоинство верховного законодателя, приписать разуму установление того закона, который он лишь ищет; ведь разум, будучи лишь способностью нашего духа и частью нашего существа, не может устанавливать для нас законы» [там же. С. 3–4]. Здесь чувствуется влияние его контактов с Королевским обществом естествоиспытателей, однако если гипотеза божественного происхождения законов природы не особенно мешала им проводить свои экспериментальные исследования, то применительно к социальной сфере она полностью блокировала возможность её понимания.

Французский социолог Пьер Розанваллон, автор книги «Утопический капитализм. История идеи рынка» [Розанваллон, 2007], так характеризует суть идеологии развиваемой Локком: «“Второй трактат о правлении” Локка является резкой критикой договора о подчинении. Локковская критика прежде всего опирается на радикализацию разрыва с теориями божественного права ... В этом смысле Локк оказывается теоретиком конституционной монархии и даже провозвестником демократического индивидуализма... Локк не разделяет гоббсовской концепции войны, имеющей место в естественном состоянии. Зато, как и Гоббс, он видит основание естественного права в инстинкте самосохранения индивида. Но он понимает это стремление к самосохранению совершенно иным образом

благодаря своей *теории собственности*. Определяя собственность как продукт труда, – что является новшеством, – Локк представляет собственность как продолжение индивида. Следовательно, поскольку труд в естественном состоянии существует, то и собственность в естественном состоянии существует. Именно поэтому “человек, будучи господином над самим собой и *владельцем своей собственной личности*, ее действий и ее *труда*, в качестве такового заключал в себе самом *великую основу собственности*” [Локк, 1988. С. 287] ... Локк в определенном смысле автономизирует, приватизирует и персонализирует понятие собственности ... Из этого следует, что Локк не различает самосохранение и сохранение собственности» [Розанваллон, 2007. С. 48–50]. Как сейчас очевидно для многих, собственность не есть элемент «естественного состояния», а является социальным институтом, т. е. совокупностью правил, определяющих власть собственника определенного предмета над всеми остальными по отношению к последнему. Правила эти рукотворны и могут быть изменены. Власть собственника над предметом может возникнуть как продукт труда, не обязательно его, а вполне возможно – других, находящихся в его подчинении, или путем захвата предмета собственности, в том числе и нелегальным или полунелегальным путем.

Отличие социально-экономической реальности от природы состоит в том, что она представляет собой поток экономической деятельности и есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес первых в этой результирующей выше (часто намного), чем вторых. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь базируются на в основном разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные и убедить последних в правоте новых верований и легитимности новых правил [Ефимов, 2016. С. 33]. Участники экономической деятельности взаимодействуют друг с другом. При этом они используют два инструмента – деньги и язык. Как деньги, так и язык являются институтами, т. е. совокупностью определенных правил. Среди языковых взаимодействий нужно выделить их особый вид, а именно *делиберации*, которые представляют собой коллективное обсуждение с целью понимания предмета и принятия решения по его поводу.

Идеи Локка, дополненные рядом других мыслителей, подхватывает Адам Смит. Это он ввел понимание общества как торгового общества, как рынка: «...понимание общества как рынка получает наиболее полное и яркое выражение в трудах шотландской школы XVIII века, особенно в работах Адама Смита. Главное следствие этой концепции состоит в полном отказе от политического: отныне не политика, а рынок должен управлять обществом. В такой перспективе рынок не сводится к простому техническому инструменту организации экономической деятельности, он несет в себе гораздо более радикальный социологический и политический смысл. Если перечитать Адама Смита с такой точки зрения, то он оказывается не столько отцом-основателем современной экономики, сколько теоретиком отмирания политики. Здесь перед нами не экономист, который философствует, но философ, который становится экономистом в процессе осуществления своей философии ... Идея рынка в этот период скорее представляет собой некую альтернативную *политическую модель*. Формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет возможность такой системы организации и принятия решений, которая существенно отделена от любой формы власти; он обеспечивает автоматическую согласованность, он осуществляет перемещение и перераспределение средств таким образом, что в этом движении воля индивидов в целом и «элит» в частности не играет никакой роли» [Розанваллон, 2007. С. 26–27]. На самом деле в монетарном социальном порядке, возникшем в результате Славной революции, формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет власть тех, у кого есть деньги, а как они

возникли, кто их создает и как они попали в руки определенных лиц, это вопросы, которыми и должна заниматься экономическая наука. Однако она этого не делает. По мнению Розанволлана, «Маркс – естественный преемник Смита. Либеральная экономическая утопия XVIII века и социалистическая политическая утопия XIX века отсылают, как ни парадоксально, к одному и тому же видению общества, основанному на идеале полной отмены политики. С этой точки зрения либерализм и социализм, несмотря на все имеющиеся между ними расхождения, соответствуют одному и тому же моменту взросления и самоосмысления современных обществ²» [там же. С. 29].

4. Политико-экономический проект Анри Сен-Симона для постреволюционной Франции

Великая французская революция произошла почти на сто лет позже английской Славной революции. Обе они решающим образом способствовали возникновению в этих странах монетарного социального порядка. Первый, кто открыл путь английскому влиянию во Франции, был Франсуа Вольтер. Поехав в Англию в 1726 г., он не мог не соприкоснуться с идеями Локка, и эта поездка решительно повлияла на его деятельность. Свои впечатления об Англии Вольтер обобщил и изложил в знаменитых «Английских письмах» («Lettres sur les Anglais», название иногда переводится как «Философские письма»), вышедших в свет, однако, лишь через несколько лет (1734) после его возвращения на родину³.

После того, как революция во Франции свершилась, английское влияние в этой стране продолжало сказываться, и одним из его носителей был Анри Сен-Симон. Это имя обычно ассоциируется с так называемым утопическим социализмом. Это может показаться странным, но в своих многочисленных работах Сен-Симон ратует за введение социального порядка, который очень похож на установленный первоначально в Англии и действующий в настоящее время на Западе, а именно – монетарного социального порядка. Возможно, это следствие его пятилетнего опыта пребывания в североамериканских колониях, где он участвовал в их войне за независимость от Англии. Не меньшее значение, по-видимому, имел также опыт участия Сен-Симона в спекулятивных операциях по продаже земли, конфискованной после революции у земельной аристократии и духовенства.

В своих работах он постоянно призывает передать политическую власть предпринимателям-капиталистам. Это означало дополнить их экономическую власть властью политической, что и представляет суть монетарного социального порядка: «Нет сомнения, что политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всеми общественными силами, кто повседневно управляет физическими силами общества, кто создает его денежную силу...» [Сен-Симон, 1948b. С. 88]. Как промышленники, в число которых Сен-Симон включает и банкиров, увеличивали свою политическую власть, он объясняет следующим образом: «Промышленники вступили в союз с королевской властью против дворянства, и благодаря оказанной ими поддержке короли получили возможность овладеть политической властью, находящейся в руках дворян. В обмен за услуги, оказанные королевской власти, промышленники получили ее покровительство ... Затем промышленники организовались и при помощи своей организации превратились, наконец, в крупную социальную силу, силу мирную, но более внушительную, чем сила военная, во главе которой и до сих пор остались дворяне. Сила промышленников такова, что короли без затруднений могут доверить им руководство светской властью ... Организация про-

² Во французском оригинале – «sociétés modernes» [Rosanvallon, 1999. P. VII], т. е. общества эпохи Нового времени (1640–1918).

³ rushist.com/index.php/west/2735-volter-fransua-biografiya#c2.

мышленников была завершена учреждением банка, который связывает между собой все отрасли промышленности и дает то или иное политическое применение ее капиталу» [там же. С. 303–304].

Любой читающий произведения Сен-Симона не мог пройти мимо того, что он в своем проекте социальных преобразований отдает центральную роль банкирам. «Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII в., с образованием нового вида промышленности. Этот вид промышленности – банковское дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы, ни даже государство. Эта мысль об организующей роли банков, брошенная Сен-Симоном, получила дальнейшее развитие у его учеников» [Волгин, 1948. С. 37–38].

Современный читатель, привыкший видеть в Сен-Симоне социалиста-утописта, наверное, удивится, прочитав следующее: «Суть этого сочинения, на которую я хочу обратить внимание в первую очередь, сводится к сближению или, лучше сказать, к обобщению интересов королевской власти и промышленников. Это я провожу всюду. Сочетание этих двух сил было господствующей идеей, занимавшей мой ум на протяжении всего моего труда» [Сен-Симон, 1948b. С. 23]. В этой новой политической системе «для организации общества, наиболее благоприятной прогрессу наук и процветанию промышленности, необходимо доверить духовную власть ученым, а светскую власть промышленникам ... ученые и промышленники могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые обладают силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными. В связи с этим трудом у меня завязались отношения с большим числом ученых и промышленников; они дали мне повод и средства изучать их мнения и намерения» [там же. С. 90]. Все это мало похоже на тот социализм, который пропагандировал Маркс и Энгельс, и вряд ли можно согласиться с Лениным, который в своей статье «Три источника и три составных части марксизма» назвал французский социализм, куда обязательно включают и Сен-Симона, одним из источников и составных частей марксизма.

По мнению Сен-Симона, Адам Смит предложил теорию, отталкиваясь от которой, промышленники могут пойти на завоевание политической власти: «[П]осле того как Смит разрешил проблему принципов для руководства ходом развития промышленности, нужно было в интересах промышленного прогресса разрешить другую проблему, а именно – *найти законное средство для перехода в руки промышленников всей политической власти ... Мы твердо уверены, что нашли разрешение этой проблемы, и полагаем, что предложенная нами мера ведет прямо к желаемой цели. Так как неизбежным результатом этой меры должна через некоторое время явиться палата общин, составленная целиком или по крайней мере в подавляющем большинстве из членов общин, т.е. из представителей промышленности, так как, с другой стороны, палата общин обладает большой политической силой благодаря своему исключительному праву вотирования бюджета, то предложенная нами мера должна способствовать *переходу всей политической власти в руки промышленности и притом совершенно законно, в полном согласии с действующей конституцией, без каких-либо крутых перемен...*» (курсив мой. – В.Е.) [там же. С. 417–418]. Это и произошло в Англии XVIII в. и Франции XIX в., когда владельцы капиталов и профессиональные политики, представляющие их интересы, стали доминировать как в законодательной, так и в исполнительной власти.*

Пожалуй, можно согласиться с суждениями Энгельса относительно идей Сен-Симона: «Сен-Симон был сыном Великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями – дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа

третьего сословия была только победой одной маленькой части этого сословия, завоеванием политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия – имущей буржуазией. И к тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой – посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов при Директории привело Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, – не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, это, по мнению Сен-Симона, доказано было опытом времени террора» [Энгельс, 1961. С. 194–195].

Со времени, когда Сен-Симон создавал свои произведения, прошло почти 200 лет. Современные банкиры и промышленники Франции имеют сейчас политическую власть, к достижению которой он их призывал. На протяжении двух столетий эта власть развивалась и принимала все более утонченные формы. Вместо грубого силового подавления недовольных в XIX в. XX в. дал примеры сохранения и развития власти банкиров и промышленников путем патернализма социального государства и массивного идеологического воздействия через образование и средства массовой информации. Большинство французов, особенно после исчезновения СССР, в значительной степени убеждены, что существующему социальному порядку, то есть монетарному социальному порядку, просто нет альтернативы. Вместо того, чтобы самим занимать правительственные посты и иметь депутатские мандаты, банкиры и промышленники в рамках монетарного социального порядка доверяют их профессиональным чиновникам и политикам, получившим воспитание и подготовку в специальных высших учебных заведениях. В основе этого воспитания и подготовки лежит идеология неолиберализма. Банкиры и промышленники будут сохранять контроль над профессиональными чиновниками и политиками до тех пор, пока граждане сами не начнут активно политически действовать, хорошо понимая институциональную природу денег и возможность изменения правил их функционирования, а системы образования и средств массовой информации не перейдут от сокрытия к распространению понимания для широких масс населения сути монетарного социального порядка.

5. О механизмах власти при современном монетарном социальном порядке

Отсутствие должного внимания к деньгам и трактовка их как товара в экономической теории, выполняющей функцию идеологической поддержки монетарного социального порядка, конечно, не случайны. Видение денег как основного источника власти быстро нарушило бы утопическое безвластное видение социальной реальности. Механизмы власти при монетарном социальном порядке всячески скрываются. Мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете. Тех же, кто пытается получить доступ к ним и проанализировать их, часто обвиняют в приверженности теории заговоров, конспирологии.

В том, что люди, имеющие общие интересы, пытаются координировать свои действия и выработать общие стратегию и тактику, нет ничего удивительного и необычного. Группы акторов, которые обладают практически неограниченными финансовыми ресурсами для организации такой делиберации, непременно должны ее регулярно осуществлять. Некоторую информацию о властных механизмах при существующем социальном порядке время от времени поставляют журналистские расследования.

Ниже я попытаюсь только обозначить некоторые элементы механизмов власти при монетарном социальном порядке. Ясно, что их основой является использование денег, этих универсальных талонов на получение ресурсов и услуг, направленных на достижение целей, желательных для богатых членов общества. Так как все люди, погруженные в монетарный социальный порядок, нуждаются в указанных талонах, то все механизмы в конечном счете сводятся к различным формам их передачи им с целью добиться от них желаемых действий и бездействий. Самым простым способом такой передачи является найм. Человека принимают на работу в зависимые от обладателя денег структуры и ждут от него вполне определенных действий в пользу нанимателя. Классическим примером могут служить средства массовой информации, воздействующие на читателей, зрителей и слушателей в интересах тех, кто владеет или принимает решения о финансировании СМИ.

Хотя государственный аппарат финансируется из государственного бюджета, имеется множество способов финансового влияния на госчиновников. Один из них – коррупция, которая очень активно практиковалась в США 100 и более лет тому назад. Сейчас способы финансового влияния стали более утонченными. Работник частной фирмы оставляет ее и переходит на госслужбу, сохраняя тайно или явно связь со своим бывшим работодателем и действуя на своей новой работе в его пользу. После окончания своей службы в госаппарате бывший сотрудник возвращается на работу в фирму на высокооплачиваемую должность. Самым активно используемым способом влияния капитала на госчиновников является лоббирование. Для этих целей нанимают как бывших высокопоставленных чиновников, так и специализированные на лоббизме фирмы. Прекрасным примером может служить недавний найм банком «Голдман Сакс» бывшего председателя Европейской комиссии Жозе Мануэла Баррозу спустя два года после его работы ее главой. Что касается специализированных фирм, то столица США Вашингтон наводнена лоббистскими фирмами. По заданию частных компаний они легально контактируют с госчиновниками и влияют на них в нужном заказчику направлении.

Очень важными структурами в системе власти в рамках монетарного социального порядка являются политические партии. Уже очень давно политические партии на Западе стали ни чем иным, как машинами для обретения власти. Имеется много примеров, когда молодые люди, решившие сделать политическую карьеру, присоединяются к той или иной политической партии, исходя не из своих идеологических предпочтений, а взвешивая, через какую из них есть больше шансов это успешно сделать. Сейчас во Франции негосударственное финансирование политических партий запрещено, однако совсем в недавнем прошлом оно практиковалось очень активно, и частные фирмы финансировали нередко без разбора все центральные политические партии, в том числе и коммунистическую, в надежде провести нужные им политические решения в будущем.

Электоральный процесс и используемые при этом политтехнологии стали буквально притчей во языцех, поэтому особо об этом распространяться здесь не буду. Как это работает, можно узнать из великолепного американского фильма «Spinning Boris» (2003)⁴. Он, по-видимому, основан на реальной истории о трех американских политтехнологах, которые за бешеные деньги российских олигархов, прежде всего Бориса

⁴ В российском прокате он шел под названием «Проект Ельцин».

Березовского⁵, соглашаются способствовать переизбранию Бориса Ельцина на второй срок в 1996 г., и это им удается. Приехав в Россию и ничего не зная о российских избирателях, они начинают проводить исследования, пробуя, например, их реакцию на обещание предоставить российским гражданам землю в частную собственность, из чего выясняется, что первые очень равнодушны к владению ею. Продолжая исследования, американцы находят слабое место российских избирателей: все они страшно боятся войны. Отталкиваясь от этого результата, в России начинается мощная кампания по запугиванию электората большой опасностью начала гражданской войны в случае, если президентом станет Зюганов.

Недавний Президент Франции Франсуа Олланд заявил во время своего первого предвыборного митинга: «Я вам скажу, кто мой соперник, мой действительный соперник. У него нет ни имени, нет лица, и он не принадлежит к какой-то партии. Он никогда не представлял свою кандидатуру на выборах. И он не будет избран. Тем не менее, он управляет. Мой противник – это мир финансов»⁶. Хотя этот риторический прием, возможно, способствовал его избранию президентом, однако на практике оказалось, что Франсуа Олланд является скорее другом мира финансов, о чем свидетельствует книга под названием «Мой друг, это финансы. Как Франсуа Олланд согнулся перед банкирами» [*Tricornot, Thépot, Dadieu*, 2014]. Ее предисловие начинается с цитирования Томаса Джефферсона: «Я, как и вы, искренне верю, что банковские учреждения более опасны, чем регулярная армия» (*ibid.* P. 9)⁷. И опасность эта проистекает в частности от того, что в рамках монетарного социального порядка избранные «представители народа» по существу являются или становятся ставленниками этих учреждений.

В то время, когда социалист Франсуа Олланд вел свою предвыборную кампанию, Эмманюэль Макрон, будучи самым молодым управляющим и партнером банка Ротшильд, вступил в команду кандидата от социалистической партии и работал не покладая рук, готовя ему справки по самым разнообразным вопросам [*Orange*, 2012]. Этот управляющий и партнер банка Ротшильд, сейчас сам стал Президентом Франции. Нужно отметить, что Эмманюэль Макрон является не первым Президентом Франции, вышедшим из банка Ротшильд. Жорж Помпиду, бывший генеральный директор этого банка, стал сначала премьер-министром, а затем – с 1969 по 1974 гг. – Президентом Французской республики. Именно во время его президентства в 1973 г. был принят закон, запрещающий Центробанку Франции предоставлять беспроцентные кредиты французскому государству, после чего оно могло только заимствовать необходимые ему средства у частных банков [*Rougeyron*, 2013].

И, наконец, важнейшим элементом механизма власти при монетарном социальном порядке является система образования. Ранее посты во властных структурах старались занимать сами представители капитала, однако сейчас для этого в специальных учебных заведениях готовят выходцев из самых различных слоев. Идеологической базой обучения в них является неолиберализм, который преподается в виде курсов по экономической теории. Эти курсы играют очень важную роль в укреплении стабильности монетарного социального порядка.

⁵ О том, как семья Бориса Ельцина и он сам попали под влияние Бориса Березовского, рассказывается в книге Павла (Пола) Хлебникова [*Хлебников*, 2001].

⁶ «Je vais vous dire qui est mon adversaire, mon véritable adversaire. Il n'a pas de nom, pas de visage, pas de parti. Il ne présentera jamais sa candidature. Il ne sera pas élu. Et pourtant, il gouverne. Mon adversaire, c'est le monde de la finance».

⁷ На английском языке эта фраза звучит следующим образом: «I sincerely believe with you, that banking establishments are more dangerous than standing armies».

6. Социальный вопрос и финансовые кризисы при монетарном социальном порядке

Капитализм в виде монетарного социального порядка сразу же после своего возникновения породил социальный вопрос, как его называли в Европе, или рабочий вопрос, как его трактовали в Америке. Он был связан с неудовлетворительным положением людей, которые были вынуждены работать по приказу тех, у кого были деньги, эти универсальные талоны на получение продуктов, необходимых для поддержания жизни. Вот как Хайлбронер описывает проявления социального вопроса во времена Адама Смита, который в своей знаменитой книге говорил о гармонии, обеспеченной невидимой рукой: «Но если бы наш герой переместился на север и отважился погрузиться в шахты Дарема или Нортумберленда, его взору предстала бы [следующая] картина. Там голые по пояс женщины работали бок о бок с мужчинами, иногда они были измождены настолько, что напоминали скорее тени, нежели человеческие существа. В ходу были дикие и жестокие обычаи. Внезапно возникавшие сексуальные потребности удовлетворялись в заброшенной шахте неподалеку. Не видевшие света на протяжении зимних месяцев дети от семи до десяти лет работали наравне со всеми и терпели всяческие унижения – шахтеры платили им жалкие гроши за то, чтобы те передвигали полные угля вагонетки. Беременные женщины волокли ящики с углем, словно лошади, и нередко рожали прямо в темноте пещеры. Такая насыщенная, подчиненная традициям и полная страдания жизнь протекала и за пределами шахт. И на поверхности земли даже самый наблюдательный путешественник вряд ли заметил бы признаки порядка, гармонии или хотя бы намек на замысел. Во многих областях страны толпы сельскохозяйственных работников слонялись в поисках хоть какой-нибудь заработка. В период сбора урожая из валлийских высокогорий спускались группы «древних бриттов», как они себя сами называли; иногда на всю честную компанию приходилась одна неоседланная и необузданная лошадь, но чаще всего не было и этого. Зачастую лишь один представитель группы говорил по-английски – он мог служить посредником между толпой и господами фермерами, которым пришельцы желали помочь в сборе урожая на их землях. Неудивительно, что оплата труда была смехотворной, иногда не выше шести пенсов в день. Наконец, если бы нашего незадачливого странника занесло в город, где процветали мануфактуры, он увидел бы другие, не менее странные вещи. Опять-таки неподготовленному зрителю они едва ли напоминали о порядке. Путешественник, скорее всего, восхитился бы выстроенной в 1742 году фабрикой братьев Ломб. Длина огромного по тем временам шестиэтажного здания была равна 500 футам, а находившиеся внутри машины, если верить Даниелю Дефо, состояли из “26 586 колесиков, совершавших 97 746 движений, и производили 73 726 ярдов шелковой нити за каждый оборот водяного колеса, то есть за двадцать секунд”. Не менее впечатляли и дети, проводившие у машин по двенадцать и четырнадцать часов за смену. Они варили себе еду на грязных паровых котлах и поочередно спали в бараках. Говорили, что постель там никогда не успевала остыть. Станный, суматошный, жестокий – таким представал этот мир в восемнадцатом столетии, таким кажется он и сегодня. Тем более поразительно, что он встраивался в возведенную доктором Смитом систему нравственной философии и что ученый уверял, будто видит в окружающей действительности очертания великих, полных смысла законов, сплетающихся в единое и возвышающееся над всем остальным целое» [Хайлбронер, 2008. С. 53–54]. То, что происходило в XVIII в., имело свое продолжение в Англии и веком позже [Энгельс, 1955]. Однако этой стране в XIX в. удалось избежать революций, и важную роль в этом сыграла политическая экономия Адама Смита. Во Франции XIX в. был веком революций, насаждение идей смитовской политической экономии началось значительно позже, чем в Англии.

В середине XIX в. курсы политической экономии во Франции сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот, что фран-

цузский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 г. в своем докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В свое время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования, и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1865. Pp. 43–44].

Профессия экономистов как университетских преподавателей возникла во второй половине XIX в. в связи с появлением социального вопроса, связанного с плохим положением рабочих и их семей, а также их протестной деятельностью. Три течения экономической мысли – классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая историко-этическая школа, – дали три разные ответа на этот вопрос. Классическая политэкономия, а потом и экономикс, были направлены на оправдание общественного порядка раннего промышленного капитализма, породившего социальный вопрос. Ранние экономисты считали вредным какое-либо государственное или общественное вмешательство, направленное на разрешение социального вопроса. Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что существующие экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы в рамках капитализма, но, в отличие от них, клеймили их антагонистический характер. По Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми, и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого не существует. Густав Шмоллер, глава немецкой историко-этической школы, отказался как от понятия естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Вместо естественных законов в центре внимания немецкой историко-этической школы оказались институты, а решение социального вопроса было связано не с сохранением статус-кво или революционным свержением капитализма, а с переходом к социальному государству с его справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Социальное государство получило мощное развитие в XX в. во Франции, однако оно никак не привело к полному исчезновению социального вопроса, который принял некоторые иные, по сравнению с XIX в., формы [Rosanvallon, 1995].

Марксизм также правильно обвинял капитализм в регулярном возникновении экономических кризисов, однако игнорируя в своих теоретических построениях деньги, не смог реалистично понять механизмы их зарождения. Самый общий механизм возникновения финансовых кризисов хорошо охарактеризован в сравнительно недавно вышедшей книге «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» Мервина Кинга [King, 2016], автор которой на протяжении десяти лет (с 2003 по 2013 гг.) был управляющим Банком Англии. Слово «алхимия», фигурирующее в названии этой книги, является ключевым. Вот, что Кинг понимает под этим термином: «Под алхимией я подразумеваю веру в то, что все бумажные деньги могут быть по требованию превращены в действительно ценный товар, например золото, и что деньги, хранящиеся в банках, могут быть изъяты всякий раз, когда вкладчики просят об этом. Правда состоит в том, что деньги во всех их формах зависят от доверия к своему эмитенту» [ibid. P. 8]. А так как эмитентами большей части денежной массы являются частные коммерческие банки, то нормальное функционирование денег зависит, прежде всего, от доверия к ним. Кризисы

наступают именно тогда, когда это доверие нарушается. Кинг уверен, что «уязвимость нашей финансовой системы напрямую вытекает из того, что банки являются основным источником создания денег» и что «мир, вероятно, столкнется с новым кризисом», если не удастся «покончить с алхимией нашей нынешней системы денег и банковского дела» [ibid].

Рождение бумажных денег в средневековой Европе М. Кинг связывает с эволюцией векселей, выпущенных в качестве квитанций за золотые слитки, взятые на хранение (депонирование) золотых дел мастерами, которые стали выполнять функции банкиров. Бумажные деньги, созданные таким образом, обеспечивались слитками золота. Владелец банкноты -квитанции знал, что в любой момент ее можно обменять на золото. По мере того как стало ясно, что большинство банкнот-квитанций на самом деле не были сразу обменены на слитки, а находились в обращении для обслуживания сделок, то банкиры начали выпускать банкноты, которые подкреплялись активами, отличными от золота, такими как стоимость кредитов, выданных ими своим клиентам. При условии, что держатели банкнот были удовлетворены тем, что они могли их использовать в обращении, активы, являющиеся обеспечением этих банкнот, могли быть сами неликвидными, т. е. не пригодными для быстрого или надежного конвертирования в деньги-монеты. Из этой практики вышла система банковского дела, которую мы видим сегодня, – неликвидные активы, финансируемые ликвидными депозитами или банкнотами. Проблема, возникающая при создании денег частными банками, состоит в том, что денежные средства в виде частных банкнот (в прошлом) и/или депозитов (в прошлом и настоящем) являются требованиями на неликвидные активы с неопределенной стоимостью. Созданные частными банками деньги могут порождать время от времени проблемы – как с готовностью их принимать, так и со стабильностью выражаемой ими ценности [ibid. P. 59].

Идея, что бумажные деньги и/или депозиты на счетах могли бы заменить драгоценные металлы, представляющие сами по себе ценность, и что банки могли бы взять безопасные краткосрочные депозиты и превратить их в долгосрочные рискованные инвестиции, возникла в XVIII в. с наступлением Промышленной революции. Это было по сути финансовой алхимией, превращением почти ничего не стоящих бумаг или записей в банковских книгах (в дальнейшем на технических носителях) в золото, что породило «необычайную финансовую власть, которая бросает вызов реальности и здравому смыслу. Погоня за этим денежным эликсиром привела к ряду экономических катастроф – от гиперинфляций до банковских коллапсов» [ibid. Pp. 4–5].

Стартовав таким образом, банки постоянно искали способы повышения своей доходности. Относительно недавно они создали надстройку сложных финансовых инструментов, которые были сочетаниями базовых контрактов, таких как ипотека и другие виды задолженности, и поэтому они получили название «производных финансовых инструментов» или деривативов. Для повышения своей доходности банки создали инструменты, состоящие из высокорискованных и часто непрозрачных структур, со смутными названиями, например, *Collateralized Debt Obligation* (CDO) (облигация, обеспеченная долговыми обязательствами). Средняя норма доходности по рискованному активу выше, чем по безопасному, поэтому для компенсации инвестору дополнительного риска он получает дополнительную премию за него. Хотя некоторые из сделок, предлагаемых инвесторам, были близки к мошенничеству, стремление к более высокой доходности означало отсутствие дефицита желающих покупателей. Только оптимист может считать, что премия за риск на рынке является достаточной для его компенсации. Все это было слишком близко к алхимии [ibid. Pp. 32–33].

Центральная идея книги Мервина Кинга состоит в том, что деньги и банковское дело – это определенные исторически возникшие институты, которые развивались до появления современного капитализма и были связаны с технологиями прежних времен. Они дали возможность развиваться рыночной экономике. Но, в конце концов, финансовая алхимия приводит к краху. Деньги и банковское дело оказались ахиллесовой пятой капитализма –

точкой слабости, угрожающей хаосом в масштабах, истощающих жизнь капиталистической экономики. Однако, поскольку эти институты являются искусственными созданиями, люди их могут переделать. Но для этого нужно досконально знать, как сегодня работают деньги и банковский сектор [ibid. P. 50]. Важнейшим элементом этого знания, которым сейчас не обладают как широкая публика, так и многие профессионалы, является понимание того, что «большую часть денег сегодня создают учреждения частного сектора – банки. Это является самым серьезным пороком в управлении деньгами сегодня в наших обществах» [ibid. P. 86].

Несмотря на то, что степень алхимии банковской системы пятьдесят и более лет тому назад была гораздо меньше, чем сегодня, интересно отметить, что многие из самых выдающихся экономистов первой половины XX в. верили в то, что нужно заставить банки держать достаточно ликвидных активов в качестве резервов, чтобы иметь возможность вернуть вкладчикам 100% их депозитов. Они предлагали покончить с системой «частичного резервирования», в рамках которой банки создают депозиты для финансирования рискованного кредитования и, таким образом, не имеют достаточных безопасных резервов наличности, чтобы вернуть вкладчикам их депозиты. Предложение о ликвидации частичного резервирования было выдвинуто в 1933 г. и получило название «Чикагский план». Сторонниками этого плана были Ирвинг Фишер и группа экономистов из Чикаго [ibid. Pp. 261–262].

Большим преимуществом таких реформ, как «Чикагский план», является то, что создаваемая банками нестабильность исчезнет в качестве источника хрупкости. Данный план разрывает связь между созданием денег и кредита. Кредитование реального сектора экономики в соответствии с ним осуществляется за счет собственных средств или долгосрочных заимствований, а не создания денег. Деньги в очередной раз станут настоящим общественным благом с его предложением, определяемым правительством или центральным банком. Правительствам не придется бороться с колебаниями в создании или уничтожении денег, которые неизменно происходят сегодня, когда банки принимают решения о расширении или заключении контрактов на кредитование. Как сказал Ирвинг Фишер: «Мы могли бы оставить банки свободными ... ссужать деньги, как им угодно, при условии, что мы больше не позволим им производить деньги, которые они одалживают ... короче: национализировать деньги, но не национализировать банковскую деятельность» [Fisher, 2009. P. 15]. Так почему же эта идея не была реализована? Одно из объяснений заключается в том, что это приведет к ликвидации системы спасения крупных банков по принципу «слишком важны, чтобы обанкротиться» («too important to fail»). Банки будут жестко лоббировать решения против такой реформы. Для защиты системы осуществления платежей правительства всегда будут гарантировать ценность банковских счетов, используемых для этого, и поэтому в интересах банков изыскивать способы размещения рискованных активов на том же балансе, что и депозиты [King, 2016. P. 263].

7. Мифы о рынке и демократии как инструменты легитимации монетарного социального порядка

Как отмечалось выше, для легитимации монетарного социального порядка хорошо послужили введенные Локком и Смитом понятия естественных законов и рынка, тесно связанного с понятием «невидимой руки». При этом нужно иметь в виду, что понятия «закон» и «невидимая рука», начиная с XIX в., в экономической дисциплине являются метафорами⁸, однако для Локка и Смита они таковыми не были, а означали для них божественную волю. Слово «рынок» в экономической дисциплине также является метафорой. На неметафорическом рынке взаимодействие людей осуществляется путем непосредствен-

⁸ О роли метафор в человеческой жизни см.: [Лакофф, Джонсон, 2004].

ного общения, а экономическая теория, наоборот, рассматривает безличные отношения. При таком подходе дискурсы взаимодействующих, конечно, не принимаются во внимание. Тем самым политика была устранена из экономической дисциплины, первое название которой было «политическая экономия».

Слово «делиберация» все больше и больше входит в академический русский язык и означает коллективное обсуждение и продумывание, предшествующее принятию решений. На протяжении последних двух тысячелетий право участвовать в делиберациях, касающихся судеб крупных человеческих сообществ, принадлежало исключительно господствующему меньшинству. В современной литературе эти меньшинства часто называют элитами. Французское слово *élite* происходит от латинского глагола *eligere*, что означает «выбрать», но выбор практически всегда осуществляется либо внутри правящего меньшинства, либо путем кооптации в это меньшинство людей извне его, в которых так или иначе это меньшинство заинтересовано. Если членам крупных сообществ, например, избирателям в национальных государствах, и предоставляется право выбора, то он осуществляется из уже заранее отобранных элитой кандидатов. Если в списки и попадают несанкционированные элитами кандидаты, то первые, используя имеющиеся у них ресурсы, могут всегда свести к нулю шансы их электорального успеха.

Профессор Университета Квебека в Монреале Франсис Дюпюи-Дэри исследовал политическую историю слова «демократия» в США и во Франции. Он приходит в своей книге [Dupuis-Déri, 2013] к удивительному выводу. Погружаясь в дискурсы прошлого, имевшие место в США и Франции, автор раскрывает, как определенные личности и социальные силы пытались контролировать институты, основанные в конце XVII в. Опираясь на различные памфлеты, манифесты, публичные заявления, статьи из газет и личные письма, Дюпюи-Дэри обнаруживает политические манипуляции элит, которые постепенно вернулись к использованию термина «демократия» для того, чтобы соблазнить массы. Вот, что он пишет по этому поводу во введении, которое он озаглавил «Игра слов и игра власти»: «Те, кто известны как «отцы основатели» современной демократии в США и во Франции, были все открыто антидемократами. Участники движения за независимость в Северной Америке или за революцию во Франции не претендовали быть демократами и не собирались основывать демократию. По словам Джона Адамса, который станет вице-президентом первого Президента США Джорджа Вашингтона, демократия – «это правление произвола, управление тираническое, кровавое, жестокое и нетерпимое». В XVIII в. ряд других политиков Северной Америки говорили о «пороках» и «безумствах демократии». Во Франции во времена Революции влиятельные политические деятели также связывали «демократию» с «анархией» или «деспотизмом», заявляя, что она их приводит в ужас, так как будет «самым большим из бедствий». Если «демократия» являлась, прежде всего, отталкивающим термином, он начинает к середине XIX века быть затребованным политической элитой, однако получив иной смысл. При использовании этого термина не делается больше ссылки на народ, собравшийся вместе, чтобы свободно продумывать и обсуждать (*délibérer*) [касающиеся их проблемы], но обозначает напротив либеральный электоральный режим, до этого называемый «республикой». В этом режиме, теперь названным демократией, только горстка избранных политиков обладает властью, даже если они претендуют осуществлять её от имени суверенного народа. Объявленный суверенным, этот народ не имеет больше агоры⁹, где бы он мог собраться для того, чтобы коллективно продумывать и обсуждать (*délibérer*) общие дела» [ibid. P. 10]. Напротив, элиты, кроме постоянно осуществляемой внутри неё неформальной делиберации, имеют множество официальных и полуофициальных площадок для институционализированной делиберации. Одной из них является национальный парламент.

⁹ Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний.

Политическое господство буржуазии выражалось в ее доминирующем положении в парламенте, принимающем в частности решения относительно государственного бюджета. В то же время исполнение бюджета стало сильно зависеть от кредитования банками. Банк Англии, являющийся Центробанком Великобритании, был национализирован только в 1946 г., но и после этого по существу оставался банком банков. В этой новой системе право на де-libерацию относительно государственных дел получили обладатели богатств, приносящих определенный доход. Представители этого класса богатых людей были избираемы теми жителями страны, которые также имели определенные размеры доходов¹⁰. Этот социальный порядок переносился на другие западные страны и эволюционировал к всеобщему избирательному праву, но и при нем принципиальных изменений не произошло. Власть при нем принадлежит тем, у кого есть много денег. Они могут осуществлять ее, не обязательно непосредственно занимая определенные посты в исполнительных и законодательных государственных органах, а через лиц в них, защищающих их интересы. Наиболее богатые люди и защищающие их интересы правительственные чиновники и журналисты имеют множество площадок для де-libерации во вне парламентов и других государственных учреждений. Некоторые из них являются достаточно открытыми, а другие практически полностью засекречены.

Подводя итог, можно сказать, что понятия «рынок» и «демократия» хорошо служат до сих пор целям легитимации монетарного социального порядка. Многих удалось убедить, что рынок чудодейственным образом работает в интересах всех членов общества. «Рынок», на самом деле будучи метафорой, означает не что иное, как взаимодействие людей между собой с использованием в качестве инструмента такого взаимодействия денег, этих свидетельств долга сообщества, в котором они циркулируют, обладателям денег. Действующие в настоящее время правила, связанные с производством этого инструмента частными банками, по мнению такого авторитета в этой области, как бывший глава Банка Англии Мервин Кинг, неизбежно приводят к регулярным финансовым кризисам. В то же время правила взаимодействия с помощью этого инструмента неизбежно ведут к усилению неравенства и относительному обнищанию основной массы населения [Пикетти, 2015]. Что касается «демократии», то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин В.П. (1948). Социальное учение Сен-Симона // Сен-Симон А. (1948). Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 5–85.
- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2004). Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС.
- Локк Дж. (1988). Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Издательство «Мысль».
- Норт Д., Уоллис Дж., Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Розанваллон П. (2007). Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение.
- Сен-Симон А. (1948а). Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Сен-Симон А. (1948b). Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Хайлбронер Р.Л. (2008). Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: КоЛибри.
- Хлебников П. (2001). Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс.

¹⁰ Дж. Ходжсон приводит данные о том, что до парламентской реформы 1832 г. в выборах в Англии и Уэльсе могли принимать участие только 10% взрослых мужчин [Ходжсон, 2017. С. 76].

- Ходжсон Дж.М. (2017). 1688 год и все такое: права собственности, Славная революция и подъем британского капитализма // Вопросы экономики. 2017. №11. С. 63–92.
- Энгельс Ф. (1955). Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 231–517.
- Энгельс Ф. (1961). Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 185–230.
- Dumez H. (1985). L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris: PUF.
- Dupuis-Déri F. (2013). Démocratie. Histoire politique d'un mot aux Etats-Unis et France. Montréal: Lux Editeur.
- Fisher I. (2009). 100% Money and Public Debt. Thailand: ThaiSunset.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham G. (2004). The Nature of Money. Cambridge: Polity Press.
- King M. (2016). The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp G.F. (1924). The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited.
- Orange M. (2012). Rothschild, une banque au pouvoir. Paris: Albin Michel.
- Rosanvallon P. (1995). La nouvelle question sociale. Paris: Editions du Seuil.
- Rosanvallon P. (1999). Le capitalisme utopique. Paris: Editions du Seuil.
- Rougeyron, P.-Y. (2013). Enquête sur la loi du 3 janvier 1973: Comment une élite de banquiers et de hauts fonctionnaires a endetté la France auprès des banques privées avec un texte obscur. Paris : Jardin des livres.
- Tricornot A. de, Thépot M., Dadieu F. (2014). Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers. Montrouge: Bayard.

Ефимов Владимир Максович

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Vladimir Yefimov

Doctor of Economic Sciences (CEMI RAS), Doctor in Development Studies (University of Geneva), independent researcher, France

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

ON TWO TYPES OF SOCIAL ORDERS. PART 1

Abstract. The article presents a theoretical construction, which can be considered as an alternative to what was presented in the book by D. North, J. Wallace and B. Weingast «Violence and social order». Instead of what these authors called «the open access order» the article defines it as the monetary social order. The name «the open access order» is very poor. Access in this system is open not to everyone, but only to those who have money, and the access is wider for those who have more money. The authors' failure in the theoretical characterization of the social order, which they called «open access order», stems from the methodological tradition of economic discipline to ignore money and deliberation as tools of interaction between people. What is the role of money in this interaction and who carries out the most important deliberations in society determines the essence of the social order taking place in this society. In a society where money is the main mode of interaction, violence cannot be purely physical. It is impossible, or at least difficult, to coerce to buy by force. On the contrary, where money is not the main mode of interaction, the threat of physical violence appears to be the important leverage for achieving one's goals. Hence the power of those who possess the means to carry out physical violence. The name «natural state», which is associated by the authors with the limited access order, seems inappropriate for several reasons, the main of which is methodological. Any trait of social reality is not «natural», but always artificial, that is, it has human origin. In reality the social order of «natural state» and the monetary social order are both limited access orders. Both involve an absolute minority in decision-making, and the interests of the majority are taken into account to the minimum extent just to achieve that social peace can still be maintained.

Keywords: *monetary social order, money as a social institution, power of money, myths about market and democracy.*

JEL Classification: A11, B12, E50, G01, G20, I30, N23.

REFERENCES

- Violgin P.P. (1948). Sotsial'noye ucheniye Sen-Simona [Social teaching of Saint-Simon]. In: Saint-Simon H. (1948). Selected works. Vol.1. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher. Pp. 5–85.
- Yefimov V.M. (2016). Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inyye metodologiya, istoriya i issledovatel'skiye praktiki [Economic science in question: other methodology, history and research practices]. M.: KURS: INFRA-M.

- Lakoff G., Johnson M.* (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS.
- Lock J.* (1988). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in three volumes]. Vol. 3. M.: Edition MYSL.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recirded human history]. M.: Gaïdar institute edition.
- Piketty Th.* (2015). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. M.: Ad Marginem Press.
- Rosanvallon P.* (2007). *Utopic capitalism* [History of the idea of market]. M.: Novoye iteraturnoye obozrenie.
- Saint-Simon H.* (1948a). *Izbrannyye sochineniya*. Vol. 1 [Selected works. Vol. 1]. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher.
- Saint-Simon H.* (1948b). *Izbrannyye sochineniya*. Vol. 2 [Selected works. Vol. 2]. M.-L.: USSR Academy of Sciences Publisher.
- Heilbroner R.L.* (2008). *Filosofy ot mira sego. Velikiye ekonomicheskiye mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei* [The worldly philosophers. The lives, times, and ideas of the great economic thinkers]. M.: KoLibri.
- Khlebnikov P.* (2001). *Krestnyy otets Kremlya Boris Berezovskiy, ili Istoriya razgrableniya Rossii* [Godfather of the Kremlin. The decline of Russia in the age of gangster capitalism]. M.: Detectiv-Press.
- Hodgson G.M.* (2017). 1688 god i vse takoye: prava sobstvennosti, Slavnaya revolyutsiya i pod'yem britanskogo kapitalizma [1688 and all that: property rights, the Glorious Revolution and the rise of British capitalism] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 63–92.
- Engels F.* (1955). *Polozheniye rabochego klassa v Anglii* [The Condition of the Working Class in England]. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 2. M.: The state edition of political literature. Pp. 231–517.
- Engels F.* (1961). *Razvitiye sotsializma ot utopii k nauke* [Socialism: Utopian and Scientific]. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 19. M.: The state edition of political literature. Pp. 185–230.
- Dumez H.* (1985). *L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras*. Paris: PUF.
- Dupuis-Déri F.* (2013). *Démocratie. Histoire politique d'un mot aux Etats-Unis et France*. Montréal: Lux Editeur.
- Fisher I.* (2009). *100% Money and Public Debt*. Thailand: ThaiSunset.
- Huber J.* (2017). *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking*. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham G.* (2004). *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
- King M.* (2016). *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp G.F.* (1924). *The State Theory of Money*. London: Macmillan and Company Limited.
- Orange M.* (2012). *Rothschild, une banque au pouvoir*. Paris: Albin Michel.
- Rosanvallon P.* (1995). *La nouvelle question sociale*. Paris : Editions du Seuil.
- Rosanvallon P.* (1999). *Le capitalisme utopique*. Paris: Editions du Seuil.
- Rougeyron, P.-Y.* (2013). *Enquête sur la loi du 3 janvier 1973: Comment une élite de banquiers et de hauts fonctionnaires a endetté la France auprès des banques privées avec un texte obscur*. Paris: Jardin des livres. 2013.
- Tricornot A. de, Thépot M., Dadiou F.* (2014). *Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers*. Montrouge: Bayard.